

Архимандрит Августин (НИКИТИН)

РЕЛИГИОЗНЫЙ УКЛАД ЖИЗНИ ПЕТЕРБУРЖЦЕВ

Часть 2

ТАИНСТВА

Крещение

Как известно, в начале XVI столетия Мартин Лютер начал реформацию в немецких землях; вскоре она была введена и в скандинавских странах, в том числе и в Дании. Из семи таинств, совершавшихся в Православной, Римско-католической и Древних восточных церквях, протестанты упразднили пять и оставили лишь таинства крещения и евхаристии (причащение). И не случайно датский пастор-лютеранин Педер фон Хавен отмечает это обстоятельство: «Русские отличаются от нас в совершении таинств. К таинствам они относят, помимо крещения и причастия, также собо­рование, венчание и посвящение в духовный сан, равно как другие торжественные помазания и инаугурации»¹.

Конечно, не все иностранные авторы, писавшие о России, приводили верные сведения о православных традициях русских христиан. Порой они довольствовались пересказом той «дамской болтовни», которая велась в великосветских петербургских салонах. В качестве примера можно привести характерное место из книги, принадлежащей перу леди Рондо, супруги английского резидента при русском дворе с 1730-го по 1740 год. Говоря о таинстве крещения, леди Рондо замечает, что во время совершения таинства, в присутствии большого числа людей, «следовало бы хотя лицам женского пола иметь при себе не одно только крестинное платье»². Комментируя это высказывание, один из дореволюционных отечественных публицистов писал: «Но что ей (леди Рондо. — *Авт.*) мешало удостовериться в том, что это так и делается, и все взрослые

Архимандрит Августин (в миру — Дмитрий Евгениевич Никитин) родился в 1946 году в Ленинграде. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. В 1973 году принял монашеский постриг с именем Августин. Пострижен в монашество митрополитом Никодимом в Благовещенской церкви его резиденции в Серебряном Бору в Москве. В 1974 году рукоположен во иеродиакона и иеромонаха. Окончил Санкт-Петербургскую духовную академию, преподаватель, доцент Санкт-Петербургской духовной академии.

¹ Хавен Педер фон. Путешествие в Россию // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 332.

² Сведения о книге: Письма о России одной дамы, пребывавшей в ней некоторое время, к приятельнице своей в Англию с историческими примечаниями. Перевод с английского. Лейпциг, 1775 // Русская старина, 1878. Т. 1. С. 344.

люди обоего пола при крещении надевают длинную мантию или сорочку не из очень тонкого полотна»³.

Вот еще одно сообщение о таинстве крещения другой англичанки — Элизабет Джастис, жившей в Петербурге в качестве гувернантки у английского купца Эванса с 1734-го по 1737 год. «Что касается крещения, — пишет Э. Джастис, — я ни разу не присутствовала ни на одном обряде, но, как смогла узнать, и мальчики, и девочки имеют двух крестных отцов и крестных матерей. Среди них принято дарить друг другу красивый кошелек или платок, смотря по обстоятельствам дарящего»⁴.

Педер фон Хавен приводит более подробные сведения о православных традициях, связанных с таинством крещения: «Правда, русские, как и мы, крестятся во имя Триединого Бога, и неверно то, что рассказывают об этом иначе. Но они целиком окунают [ребенка] в воду»⁵. «Русские совершают обряд крещения тремя отдельными погружениями, творя знак креста», — уточняет шотландский медик Джон Кук⁶.

«В России крестные отец и мать относятся к своему крестнику с куда большей ответственностью, чем у нас, и с той поры считают себя родными братом и сестрой; поэтому прежде они не могли сочетаться друг с другом браком, но теперь этот обычай отчасти позабыт, — продолжает Педер фон Хавен. — Крестник всегда получает при крещении имя того святого, который стоит в календаре на день крещения. Поэтому там часто в зависимости от пола ребенка или по иным причинам с крещением либо спешат, либо же медлят. Однако используют еще и следующий прием: если оттягивать крещение ребенка уже нельзя и, стало быть, его приходится крестить в день, на который падает имя святого противоположного пола, то ребенка нарекают по имени того святого, который стоит в календаре следующим. Поэтому русские придают большое значение своему дню рождения, но еще большее — дню именин и крещения. Простой человек из этого последнего извлекает для себя выгоду, почтительно поднося в такие дни всем своим видным знакомым незначительные подарки и получая взамен более существенные. Знатные люди отмечают эти дни величайшим празднеством и угощением»⁷.

В 1795 году в Санкт-Петербург прибыл известный (впоследствии) политический деятель Адам Чарторыйский (1770—1861). В российской столице он сблизился с великим князем Александром Павловичем (будущий император Александр I), но при этом он нередко попадал под «горячую руку» Павла I. «В первое время по его восшествии на престол мы с братом испытали на себе его суровость, которая еще не успела тогда смягчиться, — пишет польский автор. — Император и императрица пожелали быть восприемниками при крещении одного ребенка в дворцовой церкви. Дежурные в этот день, в числе которых были и мы, в составе двух камергеров и двух камер-юнкеров, должны были быть наготове, чтобы идти впереди их императорских величеств, по выходе их из апартаментов. Мы опоздали и не были на своем посту. Император, выйдя и не видя дежурных, которые должны были его сопровождать, пришел в страшный гнев. Мы явились, запыхавшись, и нашли придворных, собравшихся перед закрытой дверью церкви, сильно испуганных тем, что с нами будет и выразивших нам свое ужасное беспокойство по поводу ожидавшей нас участи. Совершенно опечаленные, заняли мы места у дверей церкви. Вскоре двери открылись. Император вышел, прошел мимо нас, бросая нам угрожающие взгляды, с яростным видом, сильно пыхтя,

³ Там же.

⁴ Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

⁵ Хавен Педер фон. Указ. соч. С. 332.

⁶ Кук Джон. Путешествия и странствия по Российской империи, Татарии и части Персидского царства // Беспятых Ю. Н. Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 410.

⁷ Хавен Педер фон. Указ. соч. С. 332—333.

как это он делал обыкновенно, когда был в гневе и хотел поразить ужасом. Мы, все четверо, понесли легкое наказание, — домашний арест с приказом не выходить»⁸.

На Большом московском соборе 1666—1667 годов был подтвержден благодатный характер таинства крещения, совершаемый по католическому обряду. А в эпоху Петра I подобное решение было принято и в отношении Евангелическо-лютеранской церкви. Однако при такой веротерпимости все же имелись некоторые «нюансы», о чем упомянул Жозеф де Местр в своей записи от 14 (26) сентября 1810 года: «16 (30) прошлого месяца Великая Княгиня Екатерина разрешилась в Павловске сыном⁹, которого окрестили в лютеранской церкви. Несколько лет назад Император издал закон, повелевающий для всех детей русской женщины, вышедшей за иностранца, воспринимать религию матери. Тут вспоминается знаменитое уже двадцать два века определение законов: это сети, препятствующие лишь мухам, а птицы прорывают их. Сия юная принцесса в большом фаворе у своего брата, который осыпает ее богатствами и всяческими знаками внимания. Она очень образованна и очень умна; русские даже преувеличивают в ней сие последнее качество. Недавно в разговоре с одной из здешних особ я вполне откровенно сказал: „Хотите знать мое мнение? Это лютеранское крещение придумано для того, чтобы новорожденный не мог занять в будущем некоторую должность“. Он же ответил мне пренебрежительным жестом: „Боже мой, вы рассуждаете об этой стране так, будто здесь возможна какая-то логика!“ Впрочем, умный иностранец не должен поддакивать таковым разговорам; я никогда не забываю сего правила и непременно восхваляю эту страну, когда сами русские ругают ее»¹⁰.

Миропомазание

В записках Ш. Массона, проведшего ряд лет при дворе Екатерины II и Павла I, упоминается о принцессе Баден-Дурлахской Луизе Марии Августе (1779—1826), в православии Елизавете Алексеевне, с 1793 года супруге великого князя Александра Павловича. «Она полюбила молодого великого князя, который должен был стать ее супругом и был равен ей красотой и скромностью, — пишет Ш. Массон. — Она от чистого сердца готова была делать все, чего от нее требовали: изучала русский язык, брала уроки греческого катехизиса и в скором времени уже могла публично исповедать свою новую веру; бородастый епископ совершил над нею **таинство миропомазания**¹¹, нанеся миро на ее нежные обнаженные руки и ноги, после чего она была провозглашена великой княгиней Елизаветой Алексеевной. Екатерина предпочла дать ей свое собственное отчество, а не называть ее по отцу, как это принято»¹².

Евхаристия (причащение)

Не следует полагать, что иностранные авторы описывали религиозный быт петербуржцев в одних только светлых тонах. Та же Элизабет Джастис, имевшая возможность наблюдать повседневную жизнь столицы во всех ее проявлениях, отмечала и некоторые

⁸ Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 129.

⁹ Александр Георгиевич, принц Ольденбургский (1810—1829), — сын принца Георга Ольденбургского и великой княжны Екатерины Павловны.

¹⁰ Местр Жозеф де. Петербургские письма. СПб., 1995. С. 156. Кавалеру де Росси 14 (26) сентября 1810 г.

¹¹ В Православной церкви миропомазание совершается не только над крещаемыми детьми; оно совершается и над протестантами. Над людьми, переходящими в православие из католичества, миропомазание совершается только в том случае, если над ними не была совершена конфирмация (Полный православный богословский энциклопедический словарь. Т. 2. СПб., 1913. С. 1610).

¹² Массон Ш. Секретные записки о России. М., 1996. С. 34.

слабости, свойственные каждому человеку независимо от его вероисповедной принадлежности. «Перед причастием, примерно за неделю, — пишет она о тех людях, с которыми ей довелось жить бок о бок в течение трех лет, — они выглядят весьма благочестивыми и раскаивающимися во всем дурном, что совершили. Слуги приходят к хозяевам просить прощения за свои провинности и целуют им руку. Но сразу после причастия возвращаются к своему прежнему дурному поведению, и ничего доброго не приходится ждать от них до тех пор, пока опять не подойдет срок причащаться»¹³.

Меньше критики в кратком сообщении Педера фон Хавена; впрочем, и он излагает чинопоследование Евхаристии довольно поверхностно: «При совершении обряда причастия переламывается хлеб в красном вине и подается причастникам в ложке; этот обряд с согласия духовенства ввел один из царей России, так как однажды во время святого причастия ему в его благочестивых молитвах помешали принять святыне дары из рук священника»¹⁴.

Бракосочетание

В своих записках Элизабет Джастис касается всех основных религиозных моментов, связанных с жизнью православного христианина. Но не приходится удивляться тому, что ее суждения поднимаются «не выше сапога». Тем не менее следует привести то место из ее записок, где она пытается изложить чинопоследование бракосочетания. «Мне не пришлось побывать на русской свадьбе, но я видала две или три пары, шедшие венчаться, — пишет английская протестантка. — Я заметила, что они были очень красиво одеты, в очень богатых платьях, с лентами и цветами в волосах. Ибо на этот день они занимают, у кого только могут, чтобы выглядеть красивыми. Впереди жениха и невесты идет человек с маленьким образком, называемым богом-покровителем (!) невесты; после обряда бракосочетания образ приносят обратно и ставят среди других русских богов (!), но ему она больше не молится»¹⁵.

В конце 1724 года шли переговоры о женитьбе герцога Карла Фридриха Голштейн-Готторпского на старшей дочери Петра I Анне Петровне. Эти слухи вызвали оживление в дипломатических кругах: ведь здесь была замешана «большая политика». 1 декабря французский посланник в Санкт-Петербурге де Кампредон отправил в Париж донесение: «Сейчас узнал из вполне достоверного источника, что статьи брачного договора между герцогом Голштинским и принцессой, старшей дочерью царя, окончательно установлены. <...> Постановлено, что она останется в русской вере до тех пор, пока герцог Голштинский, супруг ее, не взойдет на шведский престол»¹⁶.

А через неделю де Кампредон подтвердил эти слухи в очередном донесении: «В прошлый вторник, в день именин царицы, происходило обручение герцога Голштинского со старшей русской принцессой. Совершилось оно в большой дворцовой зале (salle), в присутствии всего Двора и множества приглашенных. Царь позвал к себе трех из своих епископов, сам взял кольца герцога и принцессы, и показал их епископам. Епископ Новгородский (Феодосий Яновский. — *Авт.*) благословил их, осеняя знамением креста, после чего царь надел кольца на руки жениха и невесты и поцеловал их самих. Тут вся зала огласилась радостными криками. <...> По здешнему обычаю, принцесса сама подносила вино самым именитым из присутствовавших. За церемонией последовал великолепный фейерверк, представлявший Юнону в колеснице, везомой двумя

¹³ Джастис Э. Три года в Петербурге // Нева, 1988, № 5. С. 203.

¹⁴ Хавен Педер фон. Указ. соч. С. 332.

¹⁵ Джастис Э. Указ. соч. С. 203.

¹⁶ Сборник Русского исторического Общества (Сб. РИО). Т. 52, СПб., 1886. С. 348—349. От де Кампредона к графу де Морвилю. Петербург, 1 декабря 1724 г.

лебедами в коронах, которые изображались также и в Голштинском гербе и двух фигур, изображавших герцога и принцессу, которых увенчивает слава, с сиявшими над ними словами: „Да здравствует счастливый союз“»¹⁷.

В тот же день эта новость распространилась по дипломатическим каналам. Вот что сообщал об этом торжестве уполномоченный при русском дворе Иоганн Ле-Форт, легационный советник курфюрста саксонского и короля польского Августа II. В своем донесении из Санкт-Петербурга от 9 декабря 1724 года Ле-Форт пишет графу Флемингу: «Царь подошел к герцогу и великой княжне Анне, взял от них кольца и взаимно переменил. Архиепископ Новгородский благословил их, а его Величество окончил эту торжественную церемонию громким Ура! Причем у него показались на глазах слезы радости. Вслед за тем их приветствовали из крепости 31 пушечным выстрелом»¹⁸.

Выйдя замуж за инославного герцога, Анна Петровна должна была сохранять верность православным традициям, и это было одним из условий брачного договора. Об этом еще раз упомянул де Кампредон в очередном донесении от 30 июня 1725 года: «Оговорено, что принцесса сохранит свою веру до вступления герцога, супруга ее, на шведский престол. <...> Однако герцог и принцесса отказываются от российского престола не только за себя лично. ибо царица, пользующаяся неограниченной властью сама назначать себе преемника, хочет объявить и заставить признать законным наследником всей Российской империи первого сына, который родится от этого брака, с условием, чтобы ребенок родился, оставался навсегда в России и был воспитан в господствующей в ней православной вере»¹⁹.

В записках Педера фон Хавена сообщается о бракосочетании, состоявшемся 8 февраля 1737 года, то есть примерно за месяц до первого отъезда датчанина из Петербурга. Правда, оно имело место в лютеранском храме Петрикирхе на Невском проспекте, но при этом присутствовали принцессы Елизавета и Анна. Вот как происходил этот обряд: «Женихом и невестой были знатный саксонский господин с одной из знатнейших придворных фрейлин, и один из них носил фамилию Кейзерлинг. Они решили публично венчаться — не знаю, по какой причине — в немецкой церкви св. Петра. Обе принцессы — Елизавета и Анна — вели невесту. Обряд бракосочетания совершал самый старый немецкий пастор. Когда он произносил слово и когда пели, принцесса Анна была очень тиха, набожна и благоговейна. Принцесса же Елизавета была весела, переменчива и во время венчания более применяла свои глаза, нежели уши. Она, казалось, смеялась над голосом немецкого пастора, о котором его прихожане говорили, что он в юности сорвал голос. Великолепие всей свиты и чрезвычайно длинную вереницу карет кратко или с большой пользой описать невозможно. Я тогда находился в доме хирурга Лестока, который был врачом принцессы Елизаветы, и после обряда венчания смотрел с ним на всю церемонию и свиту»²⁰.

В записках Эрнста Миниха под 1739 годом содержатся подробные сведения о таинстве бракосочетания, обусловленные его личным интересом: «дабы упомянуть вкратце о моей свадьбе и об употребительных при сем в тогдашнее время обрядах при дворе российском».²¹

¹⁷ Сб. РИО. Т. 52, СПб., 1886. С. 357—358. От де Кампредона к графу де Морвиллю. Петербург, 9 декабря 1724 г.

¹⁸ Сборник РИО. Т. III. СПб., 1868. С. 393 (граф Флеминг Яков Генрих — первенствующий министр короля польского и курфюрста саксонского Августа II).

¹⁹ Сб. РИО. Т. 58. С. 408. От де Кампредона к графу де Морвиллю. Петербург, 30 июня 1725 г.

²⁰ Хавен Педер фон. Указ. соч. С. 364.

²¹ Эрнст Миних. Записки // Безвременье и временщики. Воспоминания об «Эпохе дворцовых переворотов» (1720-е — 1760-е годы). Л., 1991. С. 139.

Когда придворная фрейлина выходит замуж, то получает она от двора не только приданое деньгами, смотря по службе ее, но также подаренную постель со всем прибором, кусок серебряного глазету на платье под венец, два куска богатого штофу на другие платья и тысячу рублей на полотно и кружева. Свадебный стол, а купно и бал, дает императрица своим иждивением при дворе. За день пред тем гоффуриер приглашает к оному как статс-дам и придворных чинов, так и иностранных министров и всех знатных обою пола особ первых четырех классов, считая от фельд-маршала до генерал-майора. Но великих княжон обязан сам жених просить, дабы они удостоили своим присутствием его свадьбу. В назначенный день утром в десять часов собираются упомянутые гости во дворец и, пока невеста наряжается, к каковому наряду императрица обыкновенно жалует собственные алмазные вещи, то известные к тому назначенные особы в разных придворных каретах в шесть лошадей ездят в женихов дом, и знатнейший из сих провожатых сажает жениха подле себя в карету и отвозит во дворец.

После сего сопровождают невесту, шедшую тогда между двух великих княжон, из покоев императрицы для венчания. Сие происходит либо в соборной, либо в придворной церкви. Буде в первой, то шествие бывает следующим порядком: впереди едут верхами придворные трубачи и литаврщики, за ними гофмаршал с жезлом в руке в открытой коляске, потом все приглашенные мужеского пола особы по двое в карете в шесть лошадей и, наконец, жених с тою самою особою, которая за ним в дом приезжала. После сего следуют дамы попарно в каретах, и заключение делают великие княжны с сидящею насупротив их невестою.

По венчании таким же порядком возвращаются во дворец. Но когда бракосочетание совершается в придворной церкви, то хотя тут меньше пышности происходит, однако ход в церковь открывается всегда игранием на трубах и литаврах, которые один из гайдуков несет на спине своей по залу. Как скоро все гости из церкви возвратятся, то каждый садится по чину за большой и великолепный стол. Среднее место занимает жених с невестою, по правую руку невесты сидят великие княжны и так далее прочие дамы, а по левую руку жениха садится знатнейший из всех мужеского пола особ и за ним другие, каждый по чину. Во время стола играет инструментальная и вокальная музыка и при питии за здравие всех на трубах и литаврах. Бал начинается пополудни в пять часов и продолжается обыкновенно до девяти часов вечера.

Заключение бала составляет старинный, из немецкой земли перенятый танец, в котором гофмаршал с жезлом в руке предшествует; оный состоит из такого числа пар, сколько замужних особ находится. Когда сим образом трижды протанцуют или паче пройдут, то жених с невестою подходят к императрице для принесения своей благодарности, и после того все пары, с музыкантами впереди, проходят чрез дворцовые комнаты и далее по лестнице до самого низу. Тут невеста садится с обер-гофмейстериною или с статс-дамою в карету, а жених с тою особою, которая утром за ним приезжала, и потом все особо приглашенные гости приезжают в дом новобрачного; здесь угощают их вечерним столом, по окончании которого молодых отводят в спальню.

Но пока сии в почивальное платье передеваются, гости пьют из бокалов разные здоровья, что и продолжается до того, как наконец жених к ним выйдет и, опростав пребольшой бокал, пожелает им доброй ночи. На другой день утром молодые ездят во дворец, где вдругорядь приносят благодарения сперва императрице и потом великим княжнам. В полдень угощают они своих родственников и друзей, а в вечеру ездят паки во дворец на бал, и наконец великолепным ужином во дворце же кончится все сие торжество²².

Далее Эрнст Миних «переходит на личности»: «Для моей свадьбы императрица назначила 20 день февраля 1739 года. И как отец мой за несколько недель до того из Украины возвратился в Петербург, то имел не токмо время все нужное в своем доме распо-

²² Там же. С. 139–140.

рядится, но также удовольствие лично при том находиться. И так по наступлении означенного дня совершилось торжество свадьбы моей со всеми вышеописанными рядами, — пишет немецкий автор. — Невеста моя, фрейлина Менгден, была разубрана бриллиантами, от императрицы пожалованными наивеликолепнейше. Старший сын герцога Курляндского приезжал за мною на дом и потом венчание в присутствии монархини совершал лютеранский пастор по прозванию Нацциус в большом зале во дворце. За столом сидели великая княжна Елисавета Петровна и принцесса Анна Мекленбургская по правую сторону невесты, а подле меня по левую руку находился Антон-Ульрих принц Брауншвейгский. По окончании бала вместо первого отвозил меня упомянутый принц домой. Невеста же, за отсутствием обер-гофмейстерины, сопровождается была туда статс-дамою. После сего ввечеру был ужин, и как за оным, так и после оно бокалы безумолкновенно вокруг ходили. На другой день отец мой дал большой обеденный стол чужестранным министрам и другим знатым обою пола особам; ввечеру другой бал и ужин, как обыкновенно водилось, был при дворе»²³.

Описав церемонию венчания, Эрнст Миних переходит к рассказу о своем бракосочетании. Его супругой в 1739 году стала баронесса Анна Доротея фон Менгден (1716—1760), фрейлина при дворе Анны Иоанновны.

Четвертого числа июля, в день бракосочетания, съехались ко двору рано поутру все знатные обою пола особы, назначенные для сей церемонии, и на улицах, чрез которые следовало шествие до соборной церкви Казанской Богоматери, стояли полки в два ряда по обеим сторонам. Между десятью и одиннадцатью часами пред полуднем шествие восприняло свое начало. Впереди ехал отряд конной гвардии, за ним верхами придворные трубачи и литаврщики, после гоффурыеры, и за сими следовал гофмаршал в открытой коляске с жезлом в руках. Потом воинские и гражданские первых пяти классов особы по двое и по чинам в каретах в шесть лошадей, сопровождаемые ливрейными их служителями, которые шли пешие. Позади сих ехал обер-гофмаршал тоже с жезлом в руке. Потом следовал герцог Курляндский в большой парадной карете. За сим и непосредственно пред каретою, где императрица сидела, ехали верхами камергеры и камер-юнкеры по два в ряд по старшинству. Принцесса-невеста сидела с императрицею в одной карете насупротив ее. У кареты ехали верхами обер-штальмейстер и генерал-адъютанты. За императрицею следовала великая княжна Елисавета Петровна с своим придворным штатом и потом герцогиня Курляндская в великолепнейшем экипаже, нежели как у самой императрицы. Тут ехал опять отряд конной гвардии, а за ним обер-гофмейстерина, статс-дамы, придворные фрейлины и другие знатные женского пола особы по рангам их. Наконец, все шествие замыкал третий отряд конной гвардии.

По прибытии в церковь императрица обще с принцессою невестою остановилась на царском месте насупротив алтаря. Принц Брауншвейгский, приехавший сюда за четверть часа наперед, стоял в нарочно приготовленном у стены месте по левую руку императрицы. Все прочие присутствующие расположились по обеим сторонам церкви на построенных ступенях.

После краткой приличной к сему торжеству речи, говоренной архиепископом Новгородским, совершен торжественный обряд венчания оным же архиепископом²⁴. По окончании благодарственного молебствия при пушечной пальбе с обеих крепостей и при троекратном беглом огне, от полков произведенном, весь штат возвратился обратно во дворец по прежде описанному порядку, выключая что теперь принц Брауншвейгский ехал вместе с императрицею в карете. Во дворце принимала монархиня сперва от новосочетавшихся браком и потом от всех съехавшихся знатных обою пола особ поздравления и жаловала их к руке. В полдень императрица имела

²³ Там же. С. 141.

²⁴ Имеется в виду Феофан Прокопович.

открытый обеденный стол обще с великою княжною Елисаветою Петровною, принцессою Анною и принцем Брауншвейгским. К сему столу приглашен также герцог Курляндский со всею его фамилиею²⁵.

В данном случае речь шла о новобрачных, принадлежавших к православному (Менгден) и лютеранскому (Миних) исповеданиям. И в дальнейшем бывали «смешанные» браки, но не всегда они были удачными, а иногда сопровождалась драматическими обстоятельствами. Вот что сообщает Адам Чарторыйский о подобном случае, имевшем место в годы правления Екатерины II: «Княгиня Шаховская, обладавшая колоссальным состоянием, выдала свою дочь замуж за герцога д'Аремберг. Это было за границей. Екатерина, возмущенная тем, что не испросили ее согласия, велела наложить арест на все имения княгини. Мать и дочь явились к ней и умоляли о милости, но Екатерина, глухая к их мольбам, расторгла этот брак, считая его недействительным, потому что он был заключен без ее согласия. Это был возмутительный по своей несправедливости приговор, но мать и дочь подчинились ему, а общество отнеслось к этому происшествию, как к самому обыкновенному обстоятельству. По крайней мере, никто об этом не проронил ни слова. Некоторое время спустя молодая княгиня вышла вторично замуж; но будучи искренно привязанной к своему первому мужу, мучимая угрызениями совести, лишила себя жизни»²⁶.

Упорство Екатерины II в брачно-вероисповедных вопросах в конце концов стоило ей жизни. Об этом «высочайшем» случае повествует французская художница Э. Виж-Лебрэн, жившая в Санкт-Петербурге в 1795—1801 годах. «Многие приписывали смерть Екатерины (Великой) огорчению, каковое причинило ей расстройство предпологавшегося замужества внучки ее, великой княжны Александры, с молодым шведским королем, — пишет Мария Луиза Элизабет. — Государь сей прибыл в Петербург 14 августа 1796 года в сопровождении дяди своего, герцога Зюдерманландского. Ему было еще только семнадцать лет; сухощавое сложение сочеталось у него с приятным лицом и благородной внешностью, внушавшей почтение, несмотря на юные его лета. Получив тщательное воспитание, выказывал он во всем совершеннейшую обходительность. Невеста его в свои четырнадцать лет была прекрасна как ангел, и он сразу же влюбился в нее. Помню, приехав ко мне посмотреть портрет своей нареченной, он столь углубился в рассматривание оною, что даже выронил свою шляпу. Императрица не желала ничего лучшего сей партии и требовала только, чтобы ее внучка имела в стокгольмском дворце православную часовню с причтом. Но, несмотря на всю свою любовь, молодой король отказался нарушить закон его страны. Зная, что Екатерина призвала патриарха²⁷ обручить их после бала, он, несмотря на все настояния г-на Моркова, отказался присутствовать на сей церемонии»²⁸.

Более подробно об этом неудачном обручении излагается в книге I. de Madariaga «Russia in the Age of Catherine the Great» (London, 2002).

Надежды, которые Екатерина лелеяла когда-то о замужестве ее старшей внучки Александры Павловны с молодым шведским королем Густавом-Адольфом IV, казалось, совсем исчезли после того, как регент начал переговоры о брачном союзе с принцессой Мекленбург-Шверинской, которые в ноябре 1795 года завершились публич-

²⁵ Там же. С. 144—145.

²⁶ Мемуары князя Адама Чарторыйжского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 46.

²⁷ Ошибка автора. Патриархат был упразднен императором Петром I в 1700 году. Здесь имеется в виду митрополит Новгородский и Санкт-Петербургский Гавриил (1730—1801).

²⁸ Виж-Лебрэн Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795—1801 гг. СПб., 2004. С. 70—71.

ным объявлением. <...> Тем не менее императрица была все еще решительно настроена посредством такого брака отвратить Швецию от надежд на реванш и одновременно уменьшить угрозу для Санкт-Петербурга со стороны шведских сил. Для этого в марте 1796 года были произведены в Ливонии и русской Финляндии угрожающие передвижения войск. К концу апреля регент согласился отложить женитьбу короля до его совершеннолетия — первый шаг для отказа от мекленбургских обязательств, за которым 15/24 августа последовал и второй: молодой король вместе с дядей инкогнито прибыли в Санкт-Петербург под именами графа Хаги и графа Вазы.

Великая княжна Александра очаровала Густава-Адольфа, и он вскоре объявил о своих намерениях Екатерине. Бал следовал за балом, и все видели его нежные нащептывания Александре. Тем временем начались переговоры о супружестве и русско-шведском союзе. Вопрос о праве великой княжны сохранить православное исповедание считался русской стороной решенным еще во время неудачных переговоров 1794 года. По словам Екатерины, король сначала упрямылся, но 2/13 сентября заверил ее, что согласен с доводами в пользу сохранения своей будущей супругой ее прежней веры. Императрица предложила назначить обручение по православному обряду на 8/19 сентября 1796 года перед балом в Таврическом дворце. Предполагалось присутствие только обоих семейств и полномочных представителей. Но когда они уже собрались в полдень для подписания договора, обнаружилось, что в тексте недостает статьи о религии. По всей очевидности, Густав-Адольф IV убрал ее, чтобы продолжать обсуждение с императрицей. В течение нескольких часов Екатерина пыталась убедить его согласиться с правом великой княжны на свою религию, но он категорически отказался изменить предложенную им формулу: «что великой княжне не будет чиниться никаких препятствий в свободе ее религиозной совести <...>». К десяти часам вечера Екатерина и великий князь решили объявить, что государыня чувствует недомогание и обручение отложено.

На следующее утро состоялся ее короткий разговор с регентом, который был в отчаянии, и самим королем, стоявшим как с проглоченным шомполом и только повторявшим: «Я написал то, что написал, и никогда не меняю написанное». Он был, по словам Екатерины, груб и упрям. Когда через час они откланивались, регент не мог сдержать слез. <...> По прошествии нескольких дней, чтобы сохранить лицо, договор, включая и статью о религии, был подписан, но с оговоркой о ратификации Густавом-Адольфом через два месяца после совершеннолетия. Никто не сомневался в том, что это никогда не произойдет. <...> Екатерина так и не оправилась от полученного ею публичного унижения со стороны семнадцатилетнего мальчишки. По мнению многих, 11/22 сентября у нее случился легкий удар²⁹.

А вскоре последовала кончина императрицы и ее похороны...

Еще одно описание этого неудачного сватовства содержится в мемуарах князя Адама Чарторыйского, проведшего несколько лет при дворе Екатерины II и Павла (приложение 1).

В тех случаях, когда инославных невест для великих князей выписывали из-за границы, они (невесты) должны были в обязательном порядке перейти в православие. Адам Чарторыйский рассказывает, как это было накануне бракосочетания великого князя Константина (1779–1831), второго сына Павла I. «Выбор великого князя стал скоро известен публике. Молодая принцесса Юлия, которая, сделавшись великой княгиней, должна была получить имя Анны, учила уже, под руководством священников, греческий катехизис и готовилась переменить веру, — пишет Адам Чарторыйский. — Говорят, что немецкие принцессы, имеющие кое-какие шансы выйти замуж за русского князя, не получают, благодаря осторожности своих родителей, тщательного ре-

²⁹ Madariaga I. de. Russia in the Age of Catherine the Great. London, 2002. P. 575–576. Цит. по: Виже-Лебрен Э. Воспоминания о пребывании в Санкт-Петербурге и Москве 1795–1801 гг. СПб., 2004. С. 234–235.

лигиозного воспитания, или, по крайней мере, не изучают глубоко тех догматов, в которых состоит различие между христианскими исповеданиями. Благодаря этой мере предосторожности, немецкие принцессы легко меняют веру. Верно ли это утверждение, или нет, но легкая склонность к перемене религии, обнаруженная столькими принцессами, дает право на такое предположение; во всяком случае, оно не говорит ничего в пользу их религиозных принципов. Они, большей частью, или совершенно равнодушны к религиозным догматам или же, в душе, остаются теми же, что были и до своего обращения. Можно было бы долго спорить на эту тему. Честолюбивый расчет родителей может легко взять верх над убеждениями молодежи, но чувство долга не мирится с такими хитростями. И в самом деле, ведь, унижительно отказываться от своей веры, хотя бы и по принуждению, а тем более из расчетов светской жизни, вопреки совести и убеждениям.

Настал день обращения и крещения, ибо всех, принимающих православие, хотя бы и христиан, непременно вновь крестят (? — *Авт.*). Императорская фамилия и все придворные, одетые в великолепные костюмы, направились в церковь, уже занятую епископами и прочим духовенством. Началось пение и приступили к обряду. Тяжело было видеть молодую принцессу, окутанную платьем из золоченой парчи, в массе бриллиантов, идущую, как жертва, убранный цветами, чтобы поклониться иконам, которые не имели в ее глазах никакой святости, чтобы подчиниться требованиям исполнения обрядов, которые не разделялись ни ее убеждениями, ни чувствами. И это было в ней очень хорошо заметно. Она исполняла все это из почтительности, из угождения, не имея другого выхода, не придавая этому никакого значения. Несколько дней спустя совершилось бракосочетание, и молодая принцесса была отдана молодому князю, едва вышедшему из детства, неистовый характер которого и какие-то странные, жестокие наклонности уже дали пищу не одному разговору»³⁰.

Последняя фраза весьма знаменательна: в 1820 году Константин Павлович развелся с женой — великой княгиней Анной Федоровной, женился на Жанне Грудзинской, княгине Лович, и ради нее отказался от права наследования российского престола. а в 1831 году он умер от холеры...

...Об одном эпизоде, связанном с чинопоследованием бракосочетания, рассказывает писатель Франсуа Ансело, прибывший в Санкт-Петербург в составе французской делегации в 1826 году по случаю коронации императора Николая I. «Когда происходит свадьба сына или дочери дворянина, обряд венчания обычно совершает епископ в домашней или дворцовой часовне, и при отъезде ему вручают запечатанный пакет с ассигнациями (так здесь называют бумажные деньги), — пишет Франсуа Ансело. — Один епископ совершил такую службу в доме одного аристократа и, возвращаясь домой в экипаже, пересчитывал врученное ему вознаграждение. Обнаружив несоответствие между состоянием дворянина и его щедростью, он огорчился скромностью суммы, не превышавшей, кажется, тысячи рублей, когда его экипаж был остановлен всадником, мчавшимся галопом и одетым в ливрею только что оставленного дома. Принеся от имени своего господина тысячу извинений за допущенную ошибку, он попросил возвратить полученный пакет и заменил его на другой, запечатанный тремя печатями и гораздо более объемистый. Обрадованный надеждой на более щедрую награду, епископ вернул ассигнации посыльному, и тот мгновенно скрылся из виду, унося деньги и благословение преосвященного. Последний поспешил открыть новый пакет — и обнаружил в нем... старые газеты! Хитрец выманил у него и тысячу рублей, и благословение»³¹.

³⁰ Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912. С. 76—77.

³¹ Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 88—89.

Понятно, что Франсуа Ансело пишет об этом происшествии со слов местных жителей, но при этом допускает неточность, что отметил П. А. Вяземский в рецензии на его книгу: «Рассказывает Ансело, что какой-то вор подменил пуком пустых бумажек пук ассигнаций, данных епископу за обряд бракосочетания. В таком плутовстве, если оно и было, нет ничего замечательного, и к тому же у нас епископы не венчают на брак»³².

Приложение 1. Сватовство Густава-Адольфа IV // Мемуары князя Адама Чарторыжского и его переписка с императором Александром I. Т. 1. М., 1912, С. 106–109.

<...> Шведский король был принят с изысканной любезностью. Он приехал со своим дядей, регентом, герцогом Зюдерманландским и с многочисленной свитой. Шведские костюмы, походившие на древне-испанские, производили красивое впечатление на приемах, балах и празднествах, дававшихся в честь молодого короля и его свиты; все делалось только для них; все внимание, вся любезность были устремлены на них. Великие княжны танцевали только со шведами; никогда никакой Двор не выказывал столько внимания иностранцами.

Все это время, пока в Зимнем дворце шли празднества, а в Таврическом ежедневно повторялись элегантно обставленные балы, концерты и катания с русских гор, шведский король был принят великой княжной Александрой, как ее будущий жених. Она была редкой красоты и чарующей доброты; знать ее — значило восхищаться ею, и ежедневные беседы с ней могли только усилить побуждения шведского короля соединиться семейными узами с династией Романовых. Герцог Зюдерманландский был того же мнения и способствовал решению своего племянника приехать в Петербург. Приезд этот уничтожил всякие сомнения насчет намерений короля. Оставалось только установить различные формальности, условиться в статьях договора, заключение которого, казалось, не представляло больше никаких затруднений. Выполнение этой работы, которую уже и не называли переговорами, так как обе стороны были во всеми согласны, — было возложено на Моркова³³. Зубовы выдвигали этого Моркова, чтобы иметь возможность обойтись без графа Безбородко³⁴, не пожелавшего склонить голову перед Зубовыми и, несмотря на это, сохранившего свое место и свое влияние у императрицы.

Спустя несколько недель, проведенных очень весело и с большим блеском, день обручения был назначен на.....³⁵, оно должно было состояться вечером. Архиепископы Петербургский и Новгородский, с многочисленным духовенством, направились в церковь, где должен быть происходить обряд. Придворные дамы с портретами,

³² П. А. Вяземский. Шесть месяцев в России. Письма, писанные г-ном Ансело в 1826 году, в эпоху коронации Его Императорского Величества, и проч. Париж, 1827 (на франц. языке). Письмо из Парижа в Москву к Сергею Дмитриевичу Полторацкому // Ансело Франсуа. Шесть месяцев в России. М., 2001. С. 212. Опубликовано: Московский телеграф. 1827. № 11. С. 216–232. Статья вошла в: Вяземский П. А. Полн. собр. соч. СПб., 1878. Т. 1. С. 232–245.

³³ Граф Аркадий Иванович Морков, иногда также Марков (1747–1827) — видный русский дипломат рубежа XVIII и XIX веков, действительный тайный советник (1801). На исходе правления Екатерины II, «не управляя иностранной коллегией, граф Марков был, однако же, главною ее пружиной» (Вигель).

³⁴ Граф, затем светлейший князь Александр Андреевич Безбородко (1747–1799) — российский государственный деятель, фактически руководивший внешней политикой Российской империи с 1781 года. Восхождение звезды Платона Зубова привело к тому, что в конце екатерининского царствования Безбородко был оттеснен от реального ведения дел. Со вступлением на престол Павла I для Безбородко наступила новая эра. За два года до смерти удостоен Павлом I высшего по тем временам ранга канцлера Российской империи. Безбородко умер в 1799 году и погребен в Благовещенской церкви Александро-Невской лавры.

³⁵ Точки в подлиннике. Следует разуместь 11 сентября.

фрейлины, весь Двор, министры, сенат, множество генералов были собраны и выстроены в приемномсалоне. Несколько часов длилось общее ожидание... Было уже поздно, когда стали замечать перешептывания между теми, кто имел возможность узнать, в чем было дело, и беготню взад и вперед лиц, торопливо входивших во внутренние покои императрицы и возвращавшихся оттуда. Там чувствовалось сильное волнение. Наконец, после четырех часов томительного ожидания, нам объявили, что обряд не состоится; императрица прислала просить у архиепископов извинения в том, что их напрасно заставили явиться в облачении; дамам, в пышных фижмах, и всем собравшимся, в богатых парадных костюмах, было сказано, что они могут удалиться, ибо обряд отложен по причине некоторых неожиданных незначительных препятствий. Но скоро стало известно, что все было порвано. Граф Морков, легкомысленный по своей самонадеянности, невнимательный благодаря гордости и презрению ко всему, что непосредственно его не касалось, был уверен, что все устроится, и не позаботился о том, чтобы условия брака были выражены в письменной форме и своевременно подписаны. Лишь только дело дошло до подписи, возникли препятствия.

Король Густав IV желал, чтобы русская княжна, будущая королева Швеции, была ограничена в свободе исполнения обрядов ее религии в Стокгольме. Шведы, страстные протестанты, также подымали рассуждения по этому вопросу. Граф Морков не обратил на это обстоятельство особого внимания и решил, что нужно двигать дело и поступать так, как будто бы все уже было обсуждено, не давая шведам времени для размышлений в том расчете, что они не осмелятся отказаться от дела, которое зашло уже слишком далеко; он полагал далее, что прекрасная наружность великой княжны довершит все то, чего не могла достичь ловкость русского министра. Но дела приняли не тот оборот, на какой рассчитывал Морков, полагаясь на свою прозорливость. Молодой король был самым ревностным протестантом во всей Швеции. Он никак не хотел дать своего согласия на то, чтобы у его жены была в Стокгольме православная церковь. Его министры, советники, сам регент, боясь последствий оскорбления, наносимого Екатерине, советовали ему уступить ее желаниям и изыскать какое-нибудь среднее примирительное решение, но все было напрасно. Вместо того, чтобы поддаться этим убеждениям, Густав IV в продолжительных беседах с молодой великой княжной старался склонить ее на свою сторону и почти заставить ее дать обещание принять религию своего будущего мужа и той страны, в которой ей предстояло поселиться. Король отвергал всепредложения графа Моркова, клонившегося к тому, чтобы уладить препятствия. Напрасно ему говорили, что он подвергает Швецию опасности войны с Россией, если, зайдя уже так далеко, откажется от брачного союза перед самым его совершением. Все было тщетно. Напрасно назначили день обручения; напрасно ожидала торжества парадно одетая императрица, духовенство и весь собравшийся Двор; ничто не тронуло Густава IV.

Это упорство молодого короля по отношению к требованиям России ее могущественной властительницы вначале обеспокоило, затем испугало шведов, но, в конце концов, понравилось им: их тщеславию льстило, что король выказал столько характера. Оживление, вызванное в Петербурге появлением шведов, с их королем во главе, на следующий же день после описанного события сменилось мрачным безмолвием, разочарованием, неудовольствием. То был день рождения одной из младших великих княжон (в настоящее время вдовствующей королевы Голландии). При Дворе, следовательно, был бал. Императрица явилась со своей вечной улыбкой на устах, но в ее взгляде можно было заметить выражение глубокой грусти и негодования; восторгались невозмутимой твердостью, с которой она приняла своих гостей. Шведский король и его свита имели натянутый, но не смущенный вид. С обеих сторон чувствовалась принужденность; все общество разделяло это настроение. Великий князь Павел принял раздраженный вид, хотя я подозреваю, что ему не так уж был неприятен этот тяжелый промах правящих лиц. Великий князь Александр возму-

шался нанесенным его сестре оскорблением, но порицал во всем только графа Моркова. Императрица была очень довольна, видя, что внук разделяет ее негодование.

Теперь костюмы шведов и их шляпы, украшенные перьями, казалось, уже не пленяли своей грациозностью и словно разделяли общую натянутость. Слава этих господ померкла. На балу протанцевали несколько менуэтов, показавшихся еще более тяжеловесными, чем обыкновенно. Мой брат был в числе танцующих и танцевал очень хорошо. Через два дня король со свитой уехал, и Петербург стал угрюмым и молчаливым. Все были изумлены тем, что произошло; не могли себе представить, что «маленький король» осмелился поступить так неуважительно с самодержавной государыней всея России. Как поступит она теперь? Немыслимо, чтобы Екатерина II проглотила нанесенную ей обиду и не захотела бы отомстить! Таков был общий голос. Это был предмет всех салонных разговоров в городе.

Приложение 2. Бракосочетание дочери императора Николая I – великой княжны Марии Николаевны с герцогом Лейхтенбергским Максимилианом // Кюстин Астольф де. Россия в 1839 году. Т. 1. М., 1996. С. 166–174.

Максимилиан Иосиф Евгений Август Наполеон Богарне (1817–1852) — член русской императорской фамилии, третий герцог Лейхтенбергский, президент Императорской Академии художеств (с 1843) и главноуправляющий Горным институтом (с 1844). Он был вторым сыном Евгения Богарне (сына Жозефины и пасынка Наполеона Бонапарта) и принцессы Августы Баварской, дочери короля Баварии Максимилиана I. В 1837 году по поручению своего дяди баварского короля Людвига I он посетил Россию, чтобы участвовать в кавалерийских маневрах. В октябре 1838 года был принят в российскую службу в чине генерал-майора. В России он был тепло принят императорской семьей и познакомился с дочерью императора Николая I великой княжной Марией Николаевной. В октябре 1838 он стал ее женихом, а 2 июля 1839 года состоялась их свадьба. В этом браке родилось семеро детей:

Венчание по греческому обряду продолжительно и величественно. Пышность религиозной церемонии, как мне показалось, лишь подчеркнула роскошество церемоний придворных. Стены и потолки церкви, одежды священников и служек — все сверкало золотом и драгоценными камнями; люди самого непоэтического склада не смогли бы взирать на все эти богатства без восторга. Картина, представшая моему взору, не уступает самым фантастическим описаниям «Тысячи и одной ночи»; при виде ее вспоминаешь поэму о Лалла Рук или сказку о волшебной лампе Алладина — ту восточную поэзию, где ощущения берут верх над чувствами и мыслью.

Дворцовая церковь невелика по размерам; в ее стенах собрались посланцы всех государей Европы и, пожалуй, даже Азии; подле них стояли несколько чужестранцев, которым, подобно мне, было дозволено присутствовать при церемонии вместе с дипломатическим корпусом, супруги послов и, наконец, видные придворные сановники; балюстрада отделяла нас от ограды, окружающей алтарь. Алтарь этот имеет вид довольно низкого квадратного стола. Места перед алтарем, предназначенные для членов императорской фамилии, были пока свободны.

Никогда прежде не случалось мне видеть зрелища столь же великолепного и торжественного, что и появление императора в этой сверкающей золотом церкви. Он вошел в сопровождении императрицы; Двор следовал за ними; взгляды всех присутствовавших, включая и меня, обратились вначале на высочайшую чету, а затем на прочих членов императорской фамилии, среди которых молодожены затмили всех. Брак по любви между обитателями богатых палат, облаченными в роскошные одежды, — большая редкость, и это, по всеобщему убеждению, придавало грядуще-

му событию особый интерес. Что до меня, я мало верю в подобные чудеса и невольно ишу во всем, что здесь делается и говорится, политическую подоплеку. Быть может, император и сам искренне верит, что им движет одна лишь отцовская любовь, однако я не сомневаюсь, что в глубине души он надеется рано или поздно извлечь из этого брака какую-нибудь выгоду. С честолюбием дело обстоит так же, как со скупостью: скупцы подчиняются расчету даже в тех случаях, когда думают, что действуют бескорыстно.

Хотя церковь невелика, а придворных на церемонии присутствовало множество, все совершалось в безупречном порядке. Я стоял среди членов дипломатического корпуса, подле балюстрады, отделявшей нас от алтарной части. Времени у нас было достаточно, и мы могли исследовать черты и жесты всех особ, которые пришли сюда, повинувшись чувству долга или любопытству. Ничто не нарушало почтительную тишину. Яркое солнце освещало внутренность церкви, где, как мне сказали, жара дошла до тридцати градусов. В свите императора находился татарский хан — данник России, свободный лишь наполовину; на нем был длинный, расшитый золотом халат и остроконечный колпак, так же сверкающий золотыми блестками. Этот царек-раб, поставленный в двусмысленное положение завоевательной политикой его покровителей, счел уместным явиться на церемонию и просить императора всея Руси принять в число его пажей своего двенадцатилетнего сына, которого он привез в Петербург, дабы обеспечить его будущность. Этот падший властитель, оттеняющий славу властителя торжествующего, напомнил мне о Древнем Риме.

Самые знатные придворные дамы и супруги послов всех держав, среди которых я узнал мадемуазель Зонтаг, ныне графиню Росси, стояли полукругом, украшая своим присутствием брачную церемонию; императорская фамилия находилась в глубине, в прекрасно расписанной ротонде. Позолоченная лепнина, вспыхивая в ослепительных лучах солнца, окружала своего рода ореолом головы государя и его детей. Дамские брильянты сверкали волшебным блеском среди азиатских сокровищ, расцветивающих стены святилища, где царь в своей щедрости, казалось, бросал вызов Богу, ибо, поклоняясь Ему, не забывал о себе. Все это прекрасно и, главное, необычно для нас, особенно если вспомнить, что еще не так давно Европа не обращала никакого внимания на свадьбу царской дочери, а Петр I утверждал, что имеет право завещать престол тому, кому сочтет нужным. Какой путь проделан за столь короткое время!

Вспоминая о дипломатических и прочих завоеваниях этой державы, которую правительства цивилизованных стран еще недавно не принимали в расчет, спрашиваешь себя, не гредишь ли ты наяву. Самому императору, кажется, еще в новинку то, что происходит на его глазах, ибо он поминутно отрывается от молитвенника и, делая несколько шагов то вправо, то влево, исправляет ошибки против этикета, допущенные его детьми или священниками. Отсюда я делаю вывод, что и двор в России тоже совершенствуется. Жених стоял не на месте, и император заставлял его то выходить вперед, то отступать назад; великая княжна, священники, вельможи — все повиновались верховному повелению, не гнушавшемуся мельчайшими деталями; на мой вкус, ему более подобало бы оставить все как есть и, находясь в церкви, думать о Боге, а не об отклонениях от религиозного обряда или придворного церемониала, допущенных его подданными и родственниками. Но в этой удивительной стране отсутствие свободы сказывается повсюду, даже у подножия алтаря. В России дух Петра Великого вездесущ и всемогущ.

Во время венчания по греческому обряду наступает минута, когда молодые супруги пьют из одной чаши. Затем в сопровождении священника, совершающего богослужение, они трижды обходят вокруг алтаря, держась за руки в знак своего соединения в браке и грядущей верности друг другу. Все эти действия тем более величавы, что напоминают об обрядах первых христиан.

Затем над головами жениха и невесты поднимают венцы. Венец великой княжны держал ее брат, наследник престола, которому император, в очередной раз ото-

рвавшись от молитвенника, сделал замечание относительно его позы, причем в лице государя непонятным для меня образом соединились в этот миг добродушие и мелочная требовательность; венец герцога Лейхтенбергского держал граф Пален, русский посол в Париже, сын чересчур прославленного и чересчур усердного друга Александра. Ныче никто в России не говорит, а может быть, и не вспоминает ту давнюю историю, что же до меня, то я не мог не думать о ней, покуда граф Пален с присущей ему благородной простотой исполнял свой долг, вызывая, без сомнения, зависть всех царедворцев, алчущих монаршьих милостей. По роли, отведенной графу Палену в церемонии венчания, он должен был испрашивать благословения небес для внуки Павла I. Странное сближение, но, повторяю, никто, как мне кажется, о нем не думал, ибо в этой стране политика имеет обратную силу.

Когда священник подвел молодоженов к их августейшим родителям, те с трогательной сердечностью расцеловали их. Мгновение спустя императрица бросилась в объятия супруга; этот порыв нежности был бы куда более уместен в дворцовой зале, нежели в церкви, но в России государи везде чувствуют себя, как дома, даже в доме Божьем. Вдобавок порыв императрицы был, кажется, совершенно произволен и потому не мог никого задеть. Горе тем, кто сочтет смешным проявление искреннего чувства. Подобные порывы заразительны. Немецкая сердечность никогда не исчезает бесследно; впрочем, для того, чтобы сохранить подобную непосредственность на престоле, нужно иметь чистую душу.

<...> Во время долгого венчания по греческому обряду наступает мгновение, когда все должны пасть на колени. Император, прежде чем сделать это, оглядел присутствующих придирчивым и не слишком ласковым взглядом. Казалось, он хотел убедиться, что никто не нарушил обычая, — излишняя предосторожность, ибо, хотя в церкви находились и католики, и протестанты, ни одному из этих чужестранцев, разумеется, не пришло на мысль уклониться от формального следования всем требованиям греческого обряда. Все опустились на колени и последним — император; венчание окончилось, молодые стали мужем и женой, все поднялись с колен, и в этот миг священники вместе с хором затянули *Te Deum*³⁶, а на улице раздались артиллерийские залпы, возвестившие всему городу о завершении церемонии. Не могу передать, какое действие произвела на меня эта небесная музыка, смешавшаяся с пушечными выстрелами, звоном колоколов и доносящимися издали криками толпы. В Греческой Церкви музыкальные инструменты под запретом, и хвалу Господу возносят здесь при богослужении только человеческие голоса. Суровость восточного обряда благоприятствует искусству: церковное пение звучит у русских очень просто, но поистине божественно. Мне казалось, что я слышу, как бьются вдали шестьдесят миллионов сердец — живой оркестр, негромко вторящий торжественной песни священнослужителей. Я был взволнован: музыка заставляет забыть обо всем, даже о деспотизме.

<...> Во время исполнения *Te Deum*, в то мгновение, когда оба хора слились воедино, раскрылись алтарные врата, и нашим взорам явились священники в тиарах, усыпанных сверкающими драгоценными камнями, в расшитых золотом одеждах, на которых величественно покоились их серебристые бороды, иные из которых доходят до пояса; так же роскошно, как и священники, была одета и паства. Российский двор великолепен; военные мундиры предстают здесь во всем своем блеске. Я с восторгом наблюдал, как земное общество с его роскошью и богатством приносит дань своего уважения Царю Небесному. Светская публика слушала священную музыку в молчании и сосредоточении, которые сообщили бы благолепие и менее возвышенным мелодиям. Божье присутствие освящает даже придворную жизнь; все мирское отходит на второй план, и всеми помыслами завладевает небо.

³⁶ *Te Deum* (лат. «*Te Deum laudamus*» — «Тебя, Бога, хвалим») — старинный христианский гимн. Согласно церковному преданию, текст гимна написал в конце IV века св. Амвросий Медиоланский. В русском православном богослужении тот же текст известен как «Тебе Бога хвалим». Распевы этого текста у католиков и православных разные.

Архиепископ, совершавший богослужение, не нарушал величия представшей перед нами картины. Этот старец, сухонький и щуплый, словно ласка³⁷, некрасив, однако он кажется усталым и больным, волосы его посеребрил возраст: старый и слабый священник не может не внушать почтения. В конце церемонии император склонился перед ним и почтительно поцеловал ему руку. Самодержец никогда не упустит случая показать пример смирения, если ему это выгодно. Я восхищенно взирал на несчастного архиепископа, который, казалось, еле-еле держался на ногах в миг своего триумфа, на статного императора, склонявшего голову перед религиозной властью, на молодоженов, на императорское семейство и, наконец, на толпу придворных, заполонивших церковь; будь на моем месте живописец, он нашел бы здесь сюжет, достойный своей кисти.

До богослужения мне казалось, что архиепископ вот-вот лишится чувств; двор, презрев завет Людовика XVIII: «точность — вежливость королей» — заставил себя ждать. Несмотря на лукавое выражение лица, старец этот внушал мне если не уважение, то жалость: он был так слаб, так терпеливо сносил все тяготы, что вызвал у меня сочувствие. Какая разница, отчего он был терпелив — из благочестия или из честолюбия? так или иначе, терпение его выдержало серьезное испытание.

<...> За венчанием по греческому обряду должна была последовать вторая, католическая церемония в нарочно отведенной для этого зале дворца. Затем молодоженов и всю императорскую фамилию ждал обед; что же до меня, не приглашенного ни на католическое богослужение, ни на обед, я вместе с большинством придворных последовал к выходу.

---

³⁷ Ласка (лат. *Mustela nivalis*) — хищное млекопитающее семейства куньих, вид рода ласки и хорьки (*Mustela*).